

Ракачев Вадим Николаевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии
Кубанского государственного университета
dom-hors@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
НА ТРАНСФОРМАЦИЮ
ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ
И СТАВРОПОЛЬЯ
В 1930–1950-Е ГГ. [1]**

Rakachev Vadim Nikolayevich

PhD in History, Assistant Professor of
the Social Science Department,
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

**INFLUENCE OF
THE SOCIO-POLITICAL PROCESSES
ON THE TRANSFORMATION OF
THE GENDER AND AGE STRUCTURE
OF POPULATION (CASE STUDY OF
KUBAN AND STAVROPOL AREAS
IN THE 1930–1950-S) [1]**

Аннотация:

Статья подготовлена на основе архивного материала и документов демографической статистики, часть из которых введена в научный оборот впервые; посвящена анализу изменения половозрастной структуры населения Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг. и влияния на этот процесс социально-политических факторов.

Ключевые слова:

половозрастная структура, народонаселение, Кубань, Ставрополье, социально-политические факторы, возрастные группы.

Summary:

The article was prepared on the basis of the archival materials and documents regarding demographic statistics, a part of which is introduced for the scientific use for the first time ever. The author deals with changes in the gender and age structure of population of the Kuban and Stavropol regions during the 1930–1950-s, and the impact of social and political factors on this process.

Keywords:

gender and age structure, population, Kuban, Stavropol region, socio-political factors, age groups.

Половозрастная пирамида населения страны и ее регионов в XX в. изменялась под влиянием не только этого эволюционного процесса, но и многочисленных пертурбационных воздействий. И исходная численность, и судьба поколений, из которых складывалось население, были очень сильно затронуты социальными катастрофами XX в. и их последствиями. Они трансформировали половозрастную структуру, определяли волнообразную динамику возрастного состава населения [2].

Значительный след в демографических структурах оставили Первая мировая и Гражданская войны, революция. По логике вещей эти демографические деформации должны были сгладиться в течение десятилетия между переписями, поскольку после окончания войны прошло полтора десятка лет. Хотя демографическое эхо войны долго еще воздействовало на возрастную структуру населения, действовала еще и обратная тенденция – тенденция выравнивания диспропорции полов. Эта тенденция развивается в нормальных социальных условиях. К 1939 г. ситуация была таковой, что на соотношение полов, деформируя его, стали оказывать влияние потери населения вследствие голода, насильственного переселения раскулаченных и усилившиеся репрессии. Эти воздействия вместе с демографическим эхом войн первой четверти века наложило отпечаток на соотношение полов почти во всех возрастных группах.

При анализе половозрастной структуры населения в 1930-х г. обращает на себя внимание значительная диспропорция в соотношении полов. Если в 1926 г., когда еще сильно ощущались последствия Первой мировой и Гражданской войн, дисбаланс полов по РСФСР измерялся цифрой в 4,5 млн чел. в пользу женщин, которые составляли 52,3 % всего населения, то в 1939 г. нарушение соотношения полов стало еще более резким. Мужчин было меньше, чем женщин, уже на 6,2 млн чел., и составляли уже 56,8 % всего населения. На Кубани и Ставрополье эта разница была почти двукратной. В 1926 г. на Кубани разница между численностью мужчин и женщин в сторону преобладания последних составляла 126,2 тыс. чел., в 1939 г. уже 243,2 тыс. чел., на Старополье соответственно 62,9 и 115,5 тыс. чел. [3].

Прежде всего, стоит отметить, что диспропорция полов наблюдалась в старших возрастах, начиная с 40–45 лет, тогда как по материалам переписи 1926 г. – после 55-летнего возраста, то есть почти на 10–15 лет позже. К тому же в пожилых возрастах преобладание женщин не выходило за рамки 60 %. В 1939 г. ситуация меняется. По РСФСР в возрастной группе 40–49 лет женщин 55,6 %, 55–59 лет – 58,9 %, 60–69 лет – 61,6 %, 70–79 лет – 65,0 % [4].

На Кубани и Ставрополье также наблюдается половая диспропорция, но при определенных региональных особенностях. Так при сравнении двух территорий на Кубани разница в численности полов заметно сильнее. Так уже в возрастной группе 20–29 лет доля женщин составляла 53,9 %, 30–39 – 53,5 %, 40–49 – 56,1 %, 50–59 – 58,9 %, 60–69 – 62,6 %, 70–79 – 67,2 %. В Ставрополье ситуация несколько более благоприятная, хотя дисбаланс все же присутствует. В группе 20–29 лет женщин 52,6 %, 30–39 – 52,5 %, 40–49 – 53,8 %, 60–69 – 61,5 %, 70–79 – 64,7 % [5]. Таким образом, диспропорция наступила гораздо раньше и выражена была более резко. Все это стало следствием голода, репрессий, коллективизации и раскулачивания.

Особенно наглядно это проявляется на примере тех возрастных групп, которые особенно сильно пострадали в Первую мировую и Гражданскую войны. Это возрастная группа 30–39-летних, потерявшая больше всего мужчин, по переписи 1926 г. имела нарушенное соотношение полов: женщин в ней было 54,4 %. В 1939 г. эта группа по-прежнему страдала нарушенным балансом полов, хотя эта диспропорция должна была сгладиться в условиях мирного времени.

Отличались нарушением соотношения полов в 1939 г. и группы в детских возрастах. Уже в 7-летнем возрасте на Ставрополье среди детей преобладали девочки – 50,4 %. Это те, кто родились в начале 1930-х г., и мальчики, более слабые от природы, имели более высокую смертность. Устойчивый перевес девочек и на Ставрополье и на Кубани начинается в группе 16–19 лет. Однако необходимо отметить, что в детских возрастных группах соотношение полов на Кубани выглядело более благополучно, чем на Ставрополье [6].

В возрастных группах старше 20 лет диспропорция становится уже гораздо заметнее и составляет 3–4 %, причем в интервале от 17 до 30 лет в Ставрополье дисбаланс выражен сильнее, чем на Кубани. Далее, в более старших возрастных группах (30 и старше), разрыв в численности мужского и женского населения достигает уже 5–10 %.

Общая же ситуация такова, что в конце 1930-х гг. Кубань имела более неблагоприятную половую структуру чем Ставрополье, прежде всего в силу того, что была сильнее затронута событиями революции и Гражданской войны, голодом, репрессиями в ходе раскулачивания и расказачивания.

Национальные территории – Адыгейская, Карачаевская и Черкесская автономные области также имели деформированную половую структуру, однако в отличие от Краснодарского и Орджоникидзевского (Ставропольского) краев дисбаланс здесь был не таким резким. Практически равным было соотношение мужчин и женщин в Карачае, чуть заметнее деформирована была возрастная структура в Черкессии и наиболее сильная деформация наблюдалась в Адыгее.

Показателен тот факт, что в городских поселениях автономных областей соотношение полов было более благоприятным, чем в селе. Это является результатом того, что, с одной стороны, сельское население сильнее пострадало вследствие репрессий и раскулачивания, с другой – мужское население здесь сокращалось из-за оттока на заработки в город.

Разница в половой структуре сельского и городского населения Краснодарского и Ставропольского (на момент переписи 1939 г. Орджоникидзевского) краев была еще более выражена. На 1 000 мужчин в селе на Ставрополье приходилось 1 103 женщины, в городе – 1 085, на Кубани соответственно – 1 142 и 1 124 женщины. Обращает на себя внимание довольно резкая диспропорция в возрастной группе 20–24-летних.

Это рожденные в период Первой мировой, революции и Гражданской войны. Вместе с тем можно отметить определенные региональные отличия. В городах и городских населенных пунктах Ставрополья дисбаланс полов выражен меньше, чем на Кубани. Существенный разрыв в численности мужчин и женщин здесь обнаруживается только в пожилом возрасте старше 60 лет. В городских поселениях Кубани в молодых возрастных группах (до 34 лет) сохраняется относительный баланс полов. Но в более старшем возрасте (35 и старше) диспропорции становятся более резкими и соотношение полов гораздо хуже, чем в сельской местности. Иначе говоря, в молодом возрасте (до 30 лет) половая структура сельских и городских населенных пунктов в обеих территориях принципиально не отличается, но в следующей возрастной группе ситуация меняется: на Ставрополье более благополучно выглядит ситуация в городских поселениях, на Кубани напротив, – соотношение полов в городе гораздо сильнее нарушено, чем в селе в пользу женщин [7].

Проявляются также этнические особенности в соотношении полов. Так на Кубани у славянских этносов наблюдается значительный разброс в показателях соотношения полов. У русских, например, перевес в сторону женского населения был весьма значительным: на 1 000 мужчин приходилось 1 112 женщин, у украинцев и белорусов, наоборот, преобладали мужчины. Мужчины доминировали и в составе таких групп, как адыгейцы, армяне, грузины, татары, мордва, евреи.

Среди народов Кубани наиболее выражена половая диспропорция у адыгейцев, в городском населении которых доля мужчин достигала 63,1 %. У грузин и татар этот показатель был больше в селе – 61,9 и 65 % мужчин соответственно. Но самая большая диспропорция наблю-

далась у евреев в сельской местности, здесь доля мужчин доходила до 72,5 %. Значительный перевес, но только в сторону женского населения показало польское население, у которого в городе доля женщин составляла 62,1 %.

На Ставрополье половая структура у представителей отдельных этнических групп имела свои отличия. Так народы, традиционно проживающие на территории края, имеют более равную половую структуру. Сильные деформации в половом составе населения, как правило, возникают в результате миграций или различного рода катаклизмов (войн, революций и т.п.) и характерны для тех этнических групп, которые сравнительно недавно появились в регионе.

Как результат миграций можно рассматривать дисбаланс полов у отдельных этнических групп, который наиболее ярко проявляется в городе. В первую очередь это заметно на примере коренных этносов: карачаевцев, адыгейцев и прочих. Так у адыгейцев и чеченцев в городе проявляется фактически двухкратное превышение мужского населения над женским, что вызвано, скорее всего, миграциями коренных этносов из села в город на заработки.

К числу этнических групп, которые можно рассматривать в качестве мигрантских и на Кубани, и на Ставрополье исходя из соотношения полов, можно отнести белорусов, мордву, грузин, бурят, удмуртов и т.д.

Не успев оправиться от воздействия неблагоприятных факторов усугубивших деформации половозрастной структуры, население страны и регионов подверглось новым испытаниям. Великая Отечественная война с ее масштабными прямыми и косвенными потерями, а также репрессивные меры и депортации накануне и в годы войны нанесли колоссальный урон населению. Массовое истребление населения привело к деформации демографических структур. Необходимо учитывать здесь и тот факт, что на соотношение полов и возрастную структуру повлияла мобилизация мужчин в Вооруженные силы и безвозвратные потери военнослужащих на фронтах, но основная причина все же заключалась в массовой гибели на оккупированных территориях в первую очередь мужского трудоспособного населения.

Статистические сведения периода войны и первых послевоенных лет отрывочны, часто несопоставимы, что значительно затрудняет детальный анализ изменений, происходивших в населении. Представления о масштабах и характере изменений в населении возможно реконструировать, но с определенной долей условности. Так, согласно данным Единовременного отчета о возрастном и половом составе сельского населения Краснодарского края на 1 января 1944 г. на указанную дату в сельских поселениях числилось 2 290 816 чел. [8]. В наличии, то есть находились по месту жительства 1 872 723 чел. и 418 093 чел. отсутствовали (находились на фронте, в эвакуации и т.п.). В наличном же населении 64,3 % (1 204 446 чел.) приходилось на женщин и 35,7 % (668 277 чел.) на мужчин [9].

Ситуация в отношении полового состава была критической – на 1 000 мужчин приходилось 1 802 женщины. Можно сказать, что соотношение полов выглядело практически как 1:2 [10]. Такой перевес на стороне женщин во всех возрастных группах говорит о нарушении естественных процессов воспроизводства и соотношении полов, которое существует в населении при нормальных условиях его развития в виде биологической константы. При вторичном соотношении полов (то есть при рождении) и в младшем возрасте всегда преобладают мальчики. И только к зрелому возрасту (примерно к 30 годам) в населении начинают преобладать женщины. Здесь же мы наблюдаем ситуацию, когда половая диспропорция устанавливается уже в младенческих возрастах. А в возрастных группах 18–24-летних и 25–49-летних она достигает максимума и составляет соотношение 1:4 [11].

Сходная критическая ситуация в половой структуре населения характерна была для многих регионов переживших оккупацию (таблица 1). Как видим, при общей тенденции к увеличению разрыва в соотношении мужского и женского населения регионов Северного Кавказа, заметны региональные и национальные отличия. До оккупации наибольшие деформации в половой структуре имели место в Воронежской и Курской областях, Краснодарском крае.

Наиболее сильные последствия для половой структуры оккупация имела в Краснодарском крае, Воронежской, Курской и Сталинградской областях, где превышение женщин над мужчинами стало практически трехкратным. Степень деформации в этом случае зависела, с одной стороны, от исходной ситуации, а так же от длительности оккупационного периода и ожесточенности боевых действий на той или иной территории. В результате половая структура Кубани в сравнении со Ставропольем подверглась большей деформации.

Таблица 1 – Соотношение мужчин и женщин трудоспособного возраста в регионах Северного Кавказа [12]

Края, области, автономные республики	Число женщин на 100 мужчин в возрасте от 16 до 55 лет, чел.	
	До оккупации	После освобождения
Краснодарский край	112	322
Ставропольский край	106	260
Воронежская область	116	295
Курская область	116	295
Ростовская область	108	248
Сталинградская область	109	298
Кабардино-Балкарская АССР	92	198
Калмыцкая АССР	103	273
Северо-Осетинская АССР	99	259
Чечено-Ингушская АССР	92	106

Деформация половозрастной структуры на многие десятилетия определила крайне неблагоприятные тенденции в демографическом развитии страны и регионов. По данным переписи 1959 г. из общей численности населения Краснодарского края, на долю мужского населения приходилось 44,3 % против 48,3 % по стране, а женщин – 55,68 % против 51,7 %. В Ставропольском крае соотношение полов выглядело как 44,6 и 55,4 % [13].

Причем в регионе дисбаланс был значительно большим, чем в РСФСР, где это соотношение выглядело как 1 000 мужчин на 1 069 женщин, на Кубани соответственно 1 250 женщин на 1 000 мужчин, в Ставрополье 1 243. Если в городских населенных пунктах Кубани на 1 000 мужчин приходилось 1 260 женщин, то в селе – 1 240, на Ставрополье соответственно – 1 247 и 1 242 [14].

Более детальный анализ половозрастной структуры населения региона позволяет заметить, что начиная с 16-летнего возраста, за исключением возрастной группы 20–24 года, в населении Краснодарского края обозначился перевес женщин. Чем старше возрастные группы, тем более выражена диспропорция. Особенно резко усилился перевес женщин, начиная с возрастной группы 30–34-летних. Это группы, в которых мужчины на начало войны достигли призывного возраста и соответственно понесли наибольшие потери в результате непосредственного участия в военных действиях. Кроме того, мужское население имело перевес у отдельных народов Северного Кавказа, тогда как в славянских группах это соотношение преимущественно было в пользу женщин.

Как уже было отмечено выше, важным фактором воздействия на половую структуру населения в территориальном разрезе является также степень интенсивности миграционных процессов. В потоке мигрантов, как правило, преобладает мужское население. Соответственно, территории, отдающие население, имеют перевес женского, а принимающие – мужского населения. Несмотря на то, что территории Кубани и Ставрополья традиционно выступали в роли регионов, притягивающих мигрантов, послевоенные диспропорции не могли быть выровнены даже за счет интенсивного миграционного притока в послевоенные годы, доля женщин во всем населении еще долгое время оставалась выше, чем мужского. Вместе с тем, этот фактор проявлял себя в отношении отдельных народов, миграционная подвижность которых была более высокой.

Возрастная структура, так же как и половая, подвергается прямому влиянию внешних факторов. Характеризуя возрастную структуру с точки зрения ее благополучия и оптимального для процессов воспроизводства состояния, необходимо оценить соотношение различных возрастных групп в населении. Различные варианты соотношения трех основных возрастных групп: детской, взрослой и пожилой – определяют соответствующий тип возрастной структуры и режим воспроизводства населения, характеризующийся определенными показателями рождаемости и смертности и в целом динамикой населения.

Для традиционного общества, которым была Россия на рубеже XIX–XX вв. характерна при высокой рождаемости и достаточно высоких показателях смертности прогрессивная возрастная структура населения и расширенный режим воспроизводства. Прогрессивная возрастная структура отличается большой долей детского населения при незначительной доле пожилого. Как следствие, значительная доля детей обеспечивает в будущем высокую долю родительского поколения и соответственно высокую рождаемость, что, в конце концов, обеспечивает рост населения.

В целом, во второй половине 1930-х гг. российское общество оставалось традиционным по типу воспроизводства населения, т.е. в нем был велик удельный вес детей и подростков. Вместе с детьми и подростками молодежи среди населения было больше половины.

Половозрастные пирамиды и Кубани и Ставрополья в 1939 г. имели схожую форму. Они имели широкое основание, что свидетельствует о высокой рождаемости и соответственно о расширенном режиме воспроизводства. Обращают на себя внимание глубокие впадины в возрастных

группах 5–9 и 15–24 лет – это рожденные в 1930–1934 гг. (в период голода) и 1915–1924 гг. (годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны). При этом впадина в возрастной группе 5–9 лет сильнее выражена на возрастной пирамиде Кубани. Вслед за этими впадинами следуют всплески компенсаторной рождаемости в относительно благополучные годы. На Ставрополье компенсационная волна рожденных во второй половине 1930-х гг. (0–4 года) несколько меньше.

В 1939 г. общество продолжало быть молодым по своему возрастному составу. Дети и подростки до 14 лет составляли 34,6 % от всего населения РСФСР, в Краснодарском крае эта возрастная группа была несколько больше – 36,6 %, Ставропольском – 37,1 %. В целом на лиц молодого возраста до 30 лет приходилось почти две трети населения – 61,9 % в России и по 63,1 % на Кубани и Ставрополье. Пожилых людей в возрасте старше 50 лет насчитывалось в стране 13,2 %, на Кубани – 11,4 %, Ставрополье – 11,8 %. Доля лиц зрелого возраста от 30 до 49 лет в Краснодарском и Ставропольском краях была больше, чем в стране, – на их долю приходилось 26,7; 25,1 и 23,7 %, то есть в среднем четверть всего населения [15].

Население в городах Краснодарского края было более старым, чем в селах. Здесь значительно меньшей была молодая группа (0–19 лет), на долю которой приходилось 35,8 % против 45,3 % в селах. Более половины городского населения составляла зрелая возрастная группа (почти 2/3 всех горожан или 58,4 %). В селах, наоборот, выше была доля детей и молодежи и меньше пожилых, к средней возрастной группе относилось 49,8 % жителей. На группу 60 лет и старше приходилось всего 4,9 % сельских жителей и 5,7 % городских.

Таким образом, сельское население региона в конце 1930-х гг. оставалось молодым, тогда как в городе уже обозначились первые признаки демографического перехода. Важную роль в изменении возрастной структуры городского населения сыграли не только трансформации процесса рождаемости, но и тот факт, что город притягивал основную массу населения в трудоспособном возрасте. Причиной этого была не столько индустриализация, сколько реакция на коллективизацию и голод, попытка прокормиться и прокормить семью. Как свидетельствуют многие документы, значительная часть жителей кубанских станиц в поисках работы, средств к существованию мигрировала в города и в соседние области, например, на Дон, где была работа на шахтах [16].

Анализируя показатели возрастной структуры населения в динамике, можно использовать количественное описание возрастной структуры и ее изменений во времени с помощью двух групп показателей: первая характеризует изменение пропорций возрастной структуры населения в целом, вторая – степень ее старения.

Возрастная структура населения Краснодарского и Ставропольского краев в 1959 г. все еще соответствовала структуре прогрессивного типа. В то же время, если сравнить ее с возрастной структурой населения в 1939 г., то можно заметить, что уже наметилась тенденция к сужению основания возрастной пирамиды и расширению ее верхней части, характеризующей процесс старения населения. Очевиден тот факт, что процесс старения населения как в регионах, так и в стране в целом в рассматриваемый период прогрессирует. Особенностью возрастной структуры населения Кубани и Ставрополья было то, что для нее характерны более низкие, чем в среднем по РСФСР, показатели первой группы (0–14) и более высокие – третьей группы (60 лет и старше). За межпереписной период фактически произошло удвоение доли пожилых людей. Повышение доли лиц в возрасте 60 лет и старше как в стране в целом, так и в регионе стало прямым следствием снижения рождаемости, которая, в свою очередь, обусловлена рядом социальных и экономических причин. Что касается отдельных регионов внутри страны, то на значение этих показателей оказывает влияние преобладающая форма расселения (город-село), миграции, особенности национальной культуры (традиции мало- или многодетности) и прочее.

Возрастная структура населения в городах и сельских местностях имеет свои особенности. В городах, как правило, удельный вес молодежи и лиц среднего возраста заметно выше. Для сельской местности, напротив, характерен более высокий удельный вес детей и лиц преклонного возраста. Это в определенной степени справедливо для Кубани и Ставрополья. Вместе с тем возрастная структура в городе и на селе в регионах имела в 1959 г. некоторую специфику.

Как видим высказанное утверждение действительно в отношении групп детского и трудоспособного возраста. В городе первых меньше, а вторых больше, чем в селе. Но в отношении пожилого возраста ситуация противоположная: эти группы в населении Кубани примерно равны, но на Ставрополье доля пожилых в городе заметно больше, чем в селе. Причем, если взять группу 70 лет и старше, то она уже составляет примерно 5 %, то есть на долю лиц в возрасте 60–69 лет приходится примерно половина пожилого населения.

Более наглядно динамику и изменения возрастной структуры позволяет проследить половозрастная пирамида. Прежде всего, обращает на себя внимание огромная диспропорция полов в возрастном интервале от 30 до 60 лет, это как раз те призывные возраста, которые максимально пострадали в войне. Также необходимо отметить, что к двум предыдущим лакунам, отраженным на пирамидах 1939 г. добавилась еще одна – в интервале 10–19 лет. Это по-

следствие низкой рождаемости и высокой младенческой смертности в годы войны и первые послевоенные годы. Вслед за ней следует волна компенсаторной рождаемости.

Сопоставляя возрастные структуры Кубани и Ставрополья, отметим, что они фактически идентичны, то есть влияние военных событий отразилось на населении обоих регионов в равной степени. Но есть и свои особенности. Так несколько глубже лагуна в возрастной группе 10–14 лет в структуре населения Ставрополья. Кроме того основание пирамиды у населения Ставрополья по-прежнему широкое, тогда как на Кубани основание пирамиды начинает сужаться, что со всей очевидностью говорит об устойчивом переходе к новой модели воспроизводства населения. Широко же основание на Ставрополье вероятнее всего связано с возвращением из депортации репрессированных и высланных во время войны за пределы Северного Кавказа карачаевцев, а так же других коренных народов, у которых пока еще сохраняются высокие показатели рождаемости.

Важными факторами, оказывающими значительное влияние на возрастную структуру в рассматриваемый период, выступают миграционные процессы, которые накладывают отпечаток на возрастной состав городского и сельского населения. Городское население активно растет в это время за счет мигрантов из сельской местности, среди которых преобладают молодые и среднего возраста. При этом большей подвижностью отличаются мужчины. За счет этого в городской местности выше удельный вес лиц данных возрастных групп.

Соотношения по полу и возрастным группам изменяются во времени и пространстве. Конфигурация возрастов испытывает воздействие различных причин пертурбационного порядка, которые приводят к резкому снижению рождаемости, повышению смертности и дают впоследствии изломы возрастной кривой в виде провалов.

На региональные особенности соотношения полов и возрастного состава существенным образом влияют факторы, связанные с территориальным перемещением населения, а именно: освоение новых районов; усиленное промышленное развитие отдельных районов, требующее большего применения в отраслях тяжелой индустрии труда мужчин, а в отраслях легкой промышленности – труда женщин; степень концентрации населения в городах и промышленных центрах, а также территориальные различия в жизненном уровне населения. Серьезное воздействие на распределение населения по полу и возрасту оказали войны, эпидемии, голод и другие причины.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).
2. Демографическая модернизация России: 1900–2000. М., 2006. С. 488–491.
3. Данные рассчитаны на основе скорректированной численности с учетом приписок переписи 1939 г.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. Национальный состав населения по районам Краснодарского края. М., 1940.
4. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно» // Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996. С. 63.
5. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Таблица ф. 11. Возрастной состав населения // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607. Л. 17.
6. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 63–64.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 года ... (* без Адыгейской АО).
8. Единовременный отчет о возрастном-половом составе сельского населения Краснодарского края на 1 января 1944 г. // ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 26/25. Л. 1.
9. Там же.
10. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. ...
11. Там же.
12. Колесник А.Д. РСФСР в Великой Отечественной войне. М., 1982. С. 224.
13. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992.
14. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Таблицы 2, 5. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1592. Л. 23.
15. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 97.
16. См. например: Отклики и воспоминания на статью И.И. Алексеенко // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 34–39.

References and notes:

1. *The paper is performed with financial support from the Ministry of Education and Science (Russia) as a part of the federal special-purpose program "Scientific, academic and teaching personnel of innovative Russia" for 2009 – 2013; subject "Russia's policy in Caucasus in past and present: data base, interpretations and countermeasures on perversion of history", agreement 14.B37.21.0966.*
2. *Demographic Modernization in Russia: 1900-2000* 2006, Moscow, pp. 488-491.
3. *These are calculated based on the adjusted numbers considering additions to the 1939 census: All-Union Census 1939 National composition of population by districts of Krasnodar region* 1940, Moscow.
4. Ziromskaya, VB, Kiselev, IN & Polyakov, YA 1996, 'Half a century of "classified"', *Union Population Census of 1937*, Moscow, p. 63.

5. 'Calculated by Union Population Census of 1939 Table f. 11. The age composition of the population' 2013, *RSAE, f. 1562, op. 336, d. 607, l. 17.*
6. Ziromskaya, VB, Kiselev, IN & Polyakov, YA 1996, 'Half a century of "classified"', *Union Population Census of 1937*, Moscow, pp. 63-64.
7. *All-Union Census 1939 ... (* Adyg without AO).*
8. 'One-time report on the age and sex composition of the rural population of Krasnodar Krai on January 1, 1944', *GAKK, f. r-1246, op. 1, ad 26/25, l. 1.*
9. 'One-time report on the age and sex composition of the rural population of Krasnodar Krai on January 1, 1944', *GAKK, f. r-1246, op. 1, ad 26/25, l. 1.*
10. 'Calculated by Union Population Census of 1939 Table f. 11. The age composition of the population', *RSAE, f. 1562, op. 336, d. 607, l. 17.*
11. 'Calculated by Union Population Census of 1939 Table f. 11. The age composition of the population', *RSAE, f. 1562, op. 336, d. 607, l. 17.*
12. Kolesnik, AD 1982, *USSR in the Great Patriotic War*, Moscow, p. 224.
13. *Union Population Census of 1939 Main results* 1992, Moscow.
14. 'Union Population Census of 1959, Table 2, 5. Distribution of the entire population and married by age and sex', *RSAE, f. 1562, op. 336, d. 1592, l. 23.*
15. Ziromskaya, VB 2001, *Demographic History of Russia in the 1930s. Looking into the unknown*, Moscow, pp. 97.
16. See, for example: 'responses and memories to Article II Alexeenko', *TSDNIKK, f. 1774-r, op. 2, d. 1225, l. 34-39.*